

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 81'42:82-92+316.722+316.74:81

doi: 10.17223/19986645/84/14

**О судьбах литературного текста в культурном пространстве.
Рецензия на книгу: Феномен затекста / Т.А. Снигирева,
А.В. Подчиненов, О.А. Михайлова и [др.] ; под общ. ред.
Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.**

Елена Ивановна Колесникова¹

¹ *Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
ekolesn@mail.ru*

Аннотация. Рецензия посвящена монографии «Феномен затекста», которая продолжает исследования учеными УрФУ маргинальных явлений в литературе. Авторы в первом разделе раскрывают понятие «затекст» с лингвистической и экстралингвистической точек зрения. Последующие разделы представляют собой практическое воплощение затекстовых исследований, в которых выделены два типа затекста – авторский и рецепционный. Цель книги – представить литературное творчество в объеме, охватывающем фактографию вокруг сюжета, связанного с биографическими обстоятельствами авторов, а также разнонаправленными интенциями замысла и его последующей рефлексией.

Ключевые слова: затекст, за-текст, коммуникация, биографическое письмо, рефлексия, рецепция

Для цитирования: Колесникова Е.И. О судьбах литературного текста в культурном пространстве. Рецензия на книгу: Феномен затекста / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов, О.А. Михайлова и [др.] ; под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 265–271. doi: 10.17223/19986645/84/14

Review

doi: 10.17223/19986645/84/14

**On the fates of a literary text in the cultural space.
Book Review: Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021)
Fenomen zateksta [The Phenomenon of Aftertext].
Yekaterinburg: Ural University Press. 392 p.**

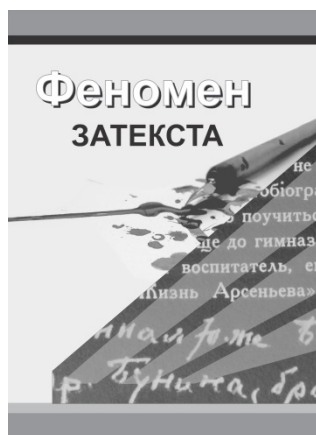
Elena I. Kolesnikova¹

¹ *Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the RAS, Saint Petersburg,
Russian Federation, ekolesn@mail.ru*

Abstract. The monograph presents the results of an interdisciplinary study of a new communicative space – social networks in linguo-cognitive, discursive, linguo-personal, linguo-conflictological and linguo-didactic aspects. The book considers both general and specific aspects of the speech behavior of social network users, the axiological and reflexive components, the genre specificity of texts, and the linguo-didactic potential. The book is intended for philologists, philosophers, sociologists, political scientists, culturologists, specialists in the field of media and Internet communication.

Keywords: aftertext, after-text, communication, biographical writing, reflection, reception

For citation: Kolesnikova, E.I. (2023) On the fates of a literary text in the cultural space. Book Review: Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021) *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of Aftertext]. Yekaterinburg: Ural University Press. 392 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 265–271. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/14

В настоящее время интенсивно развивается научное направление, которое изучает явления, сопутствующие литературному творчеству. Причем это не традиционный «историко-литературный» контекст, а часто уходящие от внимания исследователя личностно-биографические, психологические, политические, социально-бытовые факторы, так называемое литературное поле (Бурдые), которые выливаются в такие творческие изводы, как «незавершенный текст», «зачеркнутый текст», трансформированный в другие жанры и другие виды искусства текст и др. В связи с этим возрастает интерес к маргинальным, периферийным вопро-

сам филологии: феноменам творческой неудачи, творческого кризиса и прочим, которым в разные годы были посвящены научные конференции, подго-

товлены монографии, вышедшие под редакцией Т.А. Снигиревой и А.В. Подчиненова в Издательстве Уральского университета [1–3].

Можно предположить, что подобный исследовательский поворот обусловлен самим литературным материалом, уходом эпохи литературоцентризма с его доминированием идей, поисков героя и постановкой рубежных философских проблем, декларирующих бытийные основания. Литературный процесс как таковой утратил свою магистральность, обретя ризомность и разнонаправленность. Изменились и научные основания, постструктуралистский отказ от жестких схем породил различные методологические практики, в основе которых лежит антропологический поворот.

Предлагаемая монография продолжает эти исследования. Ее цель – представить литературное творчество в объеме, охватывающем фактографию вокруг сюжета, связанную с биографическими обстоятельствами авторов, а также разнонаправленными интенциями замысла и его последующей рефлексией.

Для понимания круга обозначенных проблем в Первом разделе дается описание дефиниции «затекст» с лингвистической и экстралингвистической точек зрения. Магистральной организующей осью для развертывания научного сюжета стала открытость (и в этом смысле принципиальная незавершенность) литературного текста, порождающая последующие культурные явления. Различные аспекты понятия, методологические основания будут оговариваться также в следующих главах, иллюстрируемые конкретными примерами.

Последующие разделы посвящены практическому воплощению затекстовых исследований, в которых выделены два типа затекста – авторский и рецепционный. Они и организовали структуру монографии и название ее разделов: «Затекст как форма авторской рефлексии» и «За-текст как рецепция и со-творчество».

Методологически прецедентным является параграф о романе Сервантеса, в котором как затекст рассмотрена «рефлексия и о литературной традиции, и о взаимоотношениях с реципиентом, и о собственном положении в искусстве» [4. С. 41]. Реакцией на литературные традиции является рецепция жанра, стиля и пр. Хочется отметить продуктивность предложенного метода анализа, поскольку игра с предшествующими художественными категориями активно используется в XX–XXI вв. Так, продемонстрированная методология интерпретации «Романа» как «убийства» жанра романа может быть с успехом применена ко многим постмодернистским произведениям, всевозможным ироническим «жанровым киллерам» (как, например, «Любовное чтиво» П. Басинского).

Входя в сферу рецептивной эстетики, авторы используют законы коммуникативного акта, что демонстрирует расширенные методологические возможности затекстного анализа. «Каждое художественное произведение – это способ осуществления художественного диалога, непрерывно идущего между разными авторами, произведениями и их читателями, между художественными мирами и культурными эпохами» [4. С. 365]. Ад-

ресат высказывания, внимание к его предполагаемой пресуппозиции, нередко играет решающую роль в замысле и реализации произведений. Но объем затекста может оказаться различным: «от почти нулевого у читателя наивного до гипернаполненного у читателя искушенного, профессионального – может не совпадать с подразумеваемым автором» [4. С. 116]. Рассуждая в этом русле, исследователи ставят вопрос: кто создает затекст – писатель или читатель? В виду различия фоновых знаний автора и реципиента цель художественного высказывания не всегда достигает реализации. При этом в восприятии читателя может сложиться совершенно не предполагаемая автором картина мира (вспомним классическое «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»). И в таком случае «затекст оказывается конструктом, производимым читателем» [4. С. 116]. В то же время всегда существует авторский затекст, и для исследователя он является приоритетным, хотя в процессе научного описания и он неизбежно обретает очертания того же читательского конструкта.

Креативные возможности коммуникативно-затекстных исследовательских стратегий авторы монографии блестяще продемонстрировали на конкретных примерах. Так, книга В. Войновича, убедительно представлена как «коммуникация с собственной биографией», активное ее осмысление – «это роман с собой и своей жизнью, где доминирует не жанровое, но житейское понимание «романа»». Книга В. Аксенова развернута разными гранями – как «“роман” со своим поколением, с самим собой, но и собственно роман» [4. С. 214].

Сложной коммуникацией представлены пометы на чужих книгах (например, И. Бунина на книгах А. Блока), а также инскрипты, которым посвящена глава «Инскрипт как затекст». Методика затекстового исследования здесь помогает связать воедино короткое обращение дарителя к своему адресату с содержанием даримой книги, а также с современным фоном, с человеком, принимающим подарок, а еще, безусловно, с жанровым каноном, который каждый даритель стремится преодолеть и тем самым оставляет печать времени.

Исследование, посвященное личности писателя-художника В. Любарова, выходит за границы затекста. Поскольку речь идет и о житнетворчестве, и о реальных прототипах, и о традиции. Упомянутые лишь в колористическом контексте лубочные картинки, безусловно, генетически предшествуют его креолизированным текстам. А конкретное образное и смысловое порождение, обязанное односельчанам и образу жизни художника, скорее является претекстом, что расширяет границы затекста.

Большое место в книге занимают исследования материалов биографического письма – автобиографий, мемуаров, биографий, описанных другими авторами, биографического метатекста, (как авторский метатекст либо метатекст прототипа – Д. Драгунский). Авторы книги убедительно показывают, как творятся автомифы, возникают ложные идентичности, как они коммуницируют с эстетическими конвенциями времени. Дневники, записные книжки, мемуары ценны сами по себе. Но вслед за исследователем

В. Лосской книга предлагает «пересмотреть отношение к записным книжкам как к биографическому источнику» [4. С. 139], поскольку в заявленном ракурсе открывается дополнительная исследовательская сфера – возможность связать через них внетекстовую реальность с художественной.

На затекстовом уровне производится сравнение разнообразных мемуарно-биографических жанров советского (««жизнь замечательных людей» в не менее замечательном времени» [4. С. 205]) и «оттепельного» периодов, когда «мемуарная и близкая к мемуарной литература <...> сделала попытку прорыва к максимальной полноте “рассказа о времени и о себе”» [4. С. 205]. Важным аспектом при этом является внимание исследователей к читательской готовности воспринять не достоверность, а мифологию. Творческая интенция шестидесятников на «вочеловечивание» истории еще раз подтверждает неразрывную связь художника с состоянием общественного сознания.

Был подмечен фикциональный акцент современной мемуарной прозы, где «авторы играют не только со своей личной памятью, но и с памятью жанра, в рамках которого создаются книги, чаще всего становящиеся итоговыми» [4. С. 206].

В ходе анализа приводятся примеры соотношения исходных мемуарных описаний с их художественным воплощением. На примере цветаевских текстов в главе «”Я стала поэтом прежде, чем женщиной...”»: авторская саморефлексия в записных книжках М. Цветаевой» показана степень искажения репрезентации, поскольку ни автобиография, ни биография не отражают истинный образ описываемой личности поэта. Исследователи подводят читателя к пониманию сути рецепции, которая всегда субъективна и представляет собой дискурсивную практику. Тем не менее преломление реальности через определенную жанровую или стилистическую конвенцию и культурные фильтры дает ценный материал о времени, медийных и общественных трендах. Так, социологи видят в этих углах искажения важный источник для изучения сложных социальных процессов.

Пересечение на страницах монографии творчески наэлектризованных биографических нарративов Ю. Нагибина и Б. Мессерера создают дополнительный затекст и высвечивают образ Б. Ахмадулиной, возникающий как голограмма из бытовых деталей жизни двух ее близких людей и общей художественной атмосферы времени.

С биографическим письмом сближаются различные практики жизнеописания, порой переходящие в житнетворчество, «бытие писателя вне текста» [4. С. 242]. Формирование литературной репутации через последовательное мифотворчество либо «врастание» в свой собственный художественный мир продемонстрировано на примерах медийных судеб братьев Бориса и Аркадия Стругацких, Виктора Ерофеева. Это касается также блогов, в которых могут демонстрироваться события повседневности вперемежку с эстетическими, политическими высказываниями, цитатами, практическими советами. То есть блогером целенаправленно создается контент (часто направленный на монетизацию), либо мифологизирующий его лич-

ность, либо выдающий некую избранную информацию. В этом русле рассмотрена виртуальная идентичность Татьяны Толстой, на протяжении многих лет активно формирующей собственный медийный образ, намеренно делая его жестким и нередко скандальным.

Не обойден вниманием факт, что полноценной в творческом процессе стала коммерческая составляющая (маркетинговые стратегии агентов, издателей, «книгопродавцев»), медийная игровая или информационная активность. И с этой точки зрения вырастает целое направление, посвященное имиджевым стратегиям современных писателей.

Помимо смыслообразующей, в монографии отмечена отрицательная роль затекстового фона, «идеологического за-текстового давления, которое отразилось на многих текстах и судьбах» [4. С. 361]. Этот аспект для русской литературы является чуть ли не определяющим, а потому предложенные исследовательские решения особенно ценны.

Факультативность и не совсем ясные очертания границ понятия «затекст» не отменяют его сущности: он может проявляться и варьироваться в разных формах, вмещать разное содержание, но суть его неизменна: это информация, находящаяся за пределами текста, но с ним так или иначе связанная. Показательно в этом смысле содержание главы «Л.Н. Андреев в полемике вокруг рассказа "Бездна"». Изначально дается тезис о намерении писателя создать рассказ-антитезу «Антибездна», т.е. дать замыслу дополнительную художественную интерпретацию. Но в итоге публикуются письма от имени героев «Бездны», демонстрирующие развитие сюжета. Полемика вокруг истинного авторства (был ли это сам писатель или кто-то другой) этих публикаций не отменяет их затекстовой функции. Создается дополнительный интерпретационный и научно-поисковый фон, провоцирующий неоднократное прочтение исходного рассказа.

Рефлексия эмигрантов-интеллигентов первой волны, их сложный поиск идентичности через художественные и мемуарные нарративы демонстрируют главы «Биографическое прошлое как за-текст ученого-гуманитария» и «Образ Советской России в тексте Надежды Мельниковой-Папоушковой». Материал подан настолько занимательно, что соперничает с художественными нарративами.

Из всего изложенного в монографии можно сделать вывод, что «затекст» надо воспринимать как «зонтичный» термин, предполагающий подвижность охватываемых им понятий в зависимости от их содержательного наполнения, ракурса восприятия и возникающих в результате функций. Метод затекстного анализа позволяет сочетать приемы различных научных школ и дисциплин, что расширяет и уточняет сферу литературоведческих изысканий.

В заключение хочется отметить, что монография, несмотря на академичность и глубину поставленных проблем, доставляет истинное «удовольствие от текста». Причем не только филологам, которым понятно упомянутое бартовское словосочетание, но и обычному читателю, поскольку здесь приводится много интереснейших фактов, демонстрируются редкие

архивные материалы и ведется последовательный разговор, направленный на объемное осмысление культурного пространства.

Список источников

1. *Феномен творческой неудачи* / под общ. ред. [и с предисл.] Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 424 с.
2. *Феномен незавершенного* / под общ. ред. [и вступ. ст.] Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 528 с.
3. *Феномен творческого кризиса* / [Снигирева Т.А. и др.] ; под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 400 с.
4. *Феномен затекста* / под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.

References

1. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2011) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The Phenomenon of Creative Failure]. Yekaterinburg: Ural University Press.
2. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2014) *Fenomen nezavershennogo* [The Phenomenon of the Unfinished]. Yekaterinburg: Ural University Press.
3. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2017) *Fenomen tvorcheskogo krizisa* [The Phenomenon of Creative Crisis]. Yekaterinburg: Ural University Press.
4. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (eds) (2021) *Fenomen zateksta* [Phenomenon of Aftertext]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Информация об авторе:

Колесникова Е.И. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ekolesn@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.I. Kolesnikova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ekolesn@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 07.09.2022;
approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.*